К.А. Руденко

К ВОПРОСУ О ЦИКЛИЧНОСТИ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ ОТ XVII ДО XXI В. (на примере этногенеза волжских булгар)

В статье на основе изучения гипотез происхождения волжских булгар (булгары – славяне и булгары – потомки сармат) с XVII –до начала XXI в., делается попытка выявить причину возвращения концептуальных идей в научных исследованиях, механизмы конструирования этногенетических теорий на основе разных источниковых материалов: письменных сведений и археологических данных. По мнению, автора, возникновение гипотезы о том, что волжские булгары – славяне или сарматы, было связано с характером письменных источников и особенностями идеологии эпохи. Ранние гипотезы решали задачи государственного масштаба. А возрождение этих гипотез произошло на основе археологических данных, без очевидной связи с предшествующими идеями и стало объектом обсуждения региональной науки.
Ключевые слова: *сарматы, волжские булгары, славяне, А.П. Смирнов, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, этногенез, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов*

Жизнь научной гипотезы в исторической науке – явление своеобразное и непостоянное. Одним суждено долгое существование, другим – краткосрочный взлет и быстрое забвение. Наиболее долговечны те из них, которые уже в новейшее время становятся частью идеологии научной школы или научного направления[1]. Но есть вероятность, что, пройдя определенный этап, гипотеза вновь актуализируется на новом витке научного знания, в иной исторической ситуации и даже в социуме с другим менталитетом и иными научными ориентирами. Вопрос о причинах этого рассмотрим на примере гипотезы, связанной с проблемой раннего этапа этногенеза волжских булгар – народа, проживавшего на Средней Волге с VIII по XIII в., а потомки которых живут здесь и по сей день.

Вопросом о том, кем были волжские булгары, задавались российские историки, начиная с XVII в. К этому времени сгладились в исторической памяти народов, проживавших в Волго-Камье, воспоминания о Волжской Булгарии и даже об эпохе Золотой Орды, сохранившись лишь в образах эпических сказаний. Далекие события прошлого, в т.ч. грандиозные по своим масштабам, такие как монгольское нашествие и гибель целой страны – Булгарии, были вытеснены бурными потрясениями XVI – первой половины XVII в.: присоединением Поволжья к Московскому царству, событиями Смутного времени[2] и противостояния с кочевниками, опустошавшими русское пограничье весь XVII в.[3]

Однако геополитические цели московских государей, объявивших себя при Иване III наследниками Византии, требовали убедительных доказательств древности российской истории и государственности. Как

[1] Мягков 2000.
[2] Перетяткович 1882.
[3] Новосельский 1948.

ни парадоксально, в решении этой проблемы одно из первых мест заняло Среднее Поволжье. В 70-х гг. XVII в. в трудах российских историков складывается «сарматская концепция» происхождения Московского государства, где исходной точкой славянского расселения была Средняя Волга с центром в историческом Болгаре[4]. А.И. Лызлов, подробно ее изложивший в своем исследовании «Скифская история», считал, что волжские булгары, получившие свое название от реки Волги, были изначально славянами[5], непосредственно связанными со скифами и сарматами, известными со времен античности. Из использованных им многочисленных письменных источников отметим сочинения римских авторов, а также труды польских историков XVI – начала XVII в., в первую очередь «Хронику Сарматии Европейской» М. Пашковского[6].

Идеи Лызлова продолжил в XVIII в. В.Н. Татищев, подкрепив ссылками на археологические остатки древностей в Казанской губернии, в первую очередь Болгарского городища, что придало им определенный местный колорит и конкретику, а также идентифицировав предков волжских булгар как исторических аргиппеев и фиссагетов (по Геродоту). Причем аргиппеи, по его мнению, и были сарматами – исконными жителями Среднего Поволжья, а фиссагеты – славяне – стали соседями аргипеев. Они во времена амазонок переселились сюда из Малой Азии и Сирии. Это версия была поддержана М.В. Ломоносовым и императрицей Екатериной II, приобретя, с одной стороны, оттенок официальности, а с другой – очевидный мифологизм[7]. Однако гипотеза была оспорена немецкими учеными из Российской академии, наук (Шлецер, Миллер, Стриттер), отрицавшими славянство волжских булгар и считавшими, что их народом родственным гуннам. В этой трактовке ее принял Н.М. Карамзин, что отразилось в его многотомной «Истории Российской», опубликованной в начале XIX в. Последним сторонником сармато-славянской гипотезы, почти в том виде как излагали ее Татищев и Ломоносов, был болга́рский ученый Ю. Венелин, опубликовавший свое исследование в первой четверти XIX в. Он, соглашаясь с тезисом об исконности славян на Волге, уточнил, что славян нужно видеть и под именами других народов – скифов, авар, хазар[8] и, видимо, сармат.

Несмотря на то, что славянская гипотеза о происхождении волжских булгар просуществовала до начала XX в., идея булгар-сармат под давлением появившихся новых источников, прежде всего лингвистических, и критического переосмысления уже известных письменных сведений в трудах российских ученых-славистов, постепенно потеряла свою популярность и оказалась практически забытой[9].

[4] Руденко 2007: 121.
[5] Лызлов 1787: 25-26.
[6] Руденко 2007: 126.
[7] Там же, 169-170, 177-183.
[8] Венелин 1829, 1989-199.
[9] Руденко 2014, 420, 438-439.

В последней трети XIX в. славянскую гипотезу булгарского этногенеза сменил спектр мнений, согласно которым волжские булгары по происхождению оказывались то уграми, то тюрками, то финнами. Причем их выход на историческую арену большинство ученых относили только к эпохе гуннского нашествия (IV–V в. н.э.), делая акцент не на ранние страницы булгарской истории, а наоборот, погружаясь в этнографию народов Волго-Камья, пытались доказать, какой из ныне живущих в Поволжье этносов является их прямым потомком. В конце XIX – начале XX в. на основе лингвистических штудий утвердилась мысль, что культуру волжских булгар наследовали современные чуваши, положив тем самым начало чувашкой гипотезе булгарского этногенеза[10], существующей и поныне. Происхождение казанских татар в таком случае связывалось с эпохой Золотой Орды.

С 1930-х в решении вопросов этногенеза народов Поволжья в рамках программы коренизации стали активно привлекать данные археологии. Археологические источники как нельзя лучше отвечали взглядам советских историков-марксистов на изучение прошлого, исходя из новых методологических принципов, и на ситуацию, когда именно археологические данные были единственным способом восстановить прошлое бесписьменных народов бывшей Российской империи. Это имело отношение и к населению Среднего Поволжья. Несмотря на то, что существовавшая в этом регионе в X–XIII вв. Волжская Булгария имела письменность на основе руники и арабской графики, собственно булгарских документов и книг не сохранилось, а сведения русских летописей, средневековых восточных географов и немногочисленных путешественников были отрывочны и нередко вызывали сомнение в достоверности имевшихся в них сообщений. Требовались иные подходы и источники.

Первым, кто стал применять к историческому прошлому волжских булгар археологические материалы, полученные на уровне современной по тому времени методики, был московский ученый Алексей Петрович Смирнов, крупнейший специалист по древней и средневековой археологии Волго-Камья. В его вѝдении волжские булгары были сарматами – автохтонными обитателями восточноевропейских степей, обосновавшимися в Южном Предуралье с III–II вв. до н.э. и дошедшими до Средней Волги в IV–V вв. н.э., хотя сам факт переселения булгар-сармат на север ученый относил ко времени образования Хазарского каганата, т.е. к VII в.[11] Исходной точкой для такого вывода (кроме археологических следов их пребывания на Южном Урале) для А.П. Смирнова были данные не археологии, а письменных источников, в основном византийских V–XIV вв.[12] Археологические материалы были привлечены, исходя из территориальной локализации предков булгар на карте степей Восточной Европы. Заметим, что этногеография этого региона достаточно по-

[10] Ашмарин 1902.
[11] Смирнов 1951: 10-11, 19.
[12] Там же, 9-10.

дробно была описана римскими авторами первых веков н.э.[13] В лесостепной полосе юга России в первой четверти XX в. была выявлена салтовская культура, которая в тот период уверенно связывалась с аланосарматами. Исходя из этого, Смирновым и был сделан вывод о булгарах-сарматах. Правда, возникли некоторые интерпретационные сложности, которые касались истории прабулгар в Приазовье – письменные источники в V–VI вв. в Приазовье и Причерноморье упоминают множество племен или племенных союзов, но очень редко болгар[14]. При этом другие исследователи никак не связывали эти племена с сарматами и, естественно, с волжскими булгарами. Например, М.И. Артамонов, ведущий специалист по хазарской эпохе, считал большую часть этих племен и племенных союзов отюреченными уграми[15]. Эти источниковедческие тонкости А.П. Смирнов в начале 1950-х гг. не комментировал. Он в основном акцентировал находки, как ему казалось, сарматской керамики на Булгарском городище, а также керамики салтовского типа, исходя из чего делал вывод о приходе на Волгу «значительной и однородной массой по этническому составу группы [сармат – *К.Р.*], сумевшей сохранить на новом месте в продолжении длительного времени среди чужих племен свои этнографические признаки»[16].

Гипотеза булгар-сармат Смирнова гармонично вписалась в автохтонную концепцию этногенетических изысканий в советской довоенной исторической науке и археологии. Стоит отметить, что тезис о сарматах как коренных обитателях обширных территорий степного пояса Восточной Европы в первых веках н.э. считался аксиоматичным[17] и не вызывал сомнений ни тогда, ни сейчас. Кроме того, гипотеза о булгарах-сарматах помогала снивелировать дискуссионный вопрос о «культурном наследии» волжских булгар, на которое претендовали в научных изысканиях чувашские и татарские ученые-гуманитарии[18]. Более того, данная гипотеза обосновывала и историко-формационные сюжеты согласно новой, советской, методологии исторической науки. По мнению А.П. Смирнова, сарматское общество на позднем этапе своей истории имело все признаки социального неравенства с институтом патриархального рабства, а на Средней Волге у булгар-сармат по мере развития производительных сил и производственных отношений уже был практически классический феодализм[19]. Этот тезис в середине 1940-х гг. вызвал небольшую дискуссию с ведущим советским историком Б.Д. Грековым, считавшим что булгарское государство было дофеодальным[20]. Любопытно, что во-

[13] Скрипкин 1986: 85-87, 94-95.
[14] Артамонов 1962: 157.
[15] Артамонов 1962: 98. Книга М.И. Артамонова была опубликована через 10 лет после выхода в свет монографии А.П. Смирнова.
[16] Смирнов 1951: 10-11.
[17] Смирнов 1964: 193.
[18] Руденко 2014: 483.
[19] Смирнов 1951: 16-18, 35; Руденко 2014: 468-470.
[20] Руденко 2014: 478-479.

прос о седентаризации сармат, косвенно затронутый А.П. Смирновым, стал обсуждаться только в начале XXI в., например, по материалам могильника Нейзац II–III вв. н.э. в Крыму[21].

В позиции А.П. Смирнова о булгарах-сарматах был и субъективный момент: помимо средневековой археологии, он занимался античными древностями, особенно скифами[22], что усиливало его желание найти факты, сближавшие волновавшую его научную тему с булгарским материалом, который он изучал несколько десятилетий. Следуя традициям русских археологов начала XX в., он связывал истоки средневековой культуры местного населения Волго-Камья с эпохой раннего железного века (ананьинской и пьяноборской культурами). Тем более что скифская эпоха Волго-Камья к началу 1950-х гг. была исследована А.В. Збруевой. В ее фундаментальной монографии были подробно рассмотрены древности ананьинской культуры VIII–V вв. до н.э.[23]

Гипотеза булгар-сармат соответствовала и общему представлению в науке того времени о развитии сарматской культуры, последний этап которой датировался VII–VIII вв. н.э., а гуннское нашествие IV–V вв. привело к складыванию гибридной гунно-сарматской культуры, что, кстати, не противоречит и мнению ряда современных исследователей[24]. Хотя весомых аргументов в пользу того, что гунны в большей степени вытеснили сармат из степей Нижнего Поволжья немало, и в последующем сохранялись лишь «отдельные элементы сарматской культуры»[25]. Смирнов считал, что влияние сарматских традиций отразилось в культуре волжских булгар X–XIV вв., а ее реминисценции проявлялись даже в XIX в. в ювелирных украшениях казанских татар[26].

Помимо этого, такое понимание генетических корней волжских булгар соответствовало ведущему направлению в советской науке конца 1930-х – 1950-х гг. в установлении начал славянской истории. Его озвучил лидер советских археологов Б.А. Рыбаков, выводивший славян от скифов[27], в чем его поддерживала часть советских ученых-скифологов и археологов-славистов[28]. Вопрос был, безусловно, политизирован и базировался во многом на глобальном противостоянии советской археологии взглядам буржуазных ученых, позиции которых в отношении интерпретации ряда археологических культур Восточной Европы, по мнению советских исследователей, праславянских[29], были иные. Это выглядело как отражение идеологического противостояния советской науки и антисоветских направлений в зарубежной науке, подчеркивавших неспо-

[21] Храпунов 2011, 50-51.
[22] Смирнов 1966; Овчинников 2007, 25-29.
[23] Збруева 1952.
[24] Скрипкин 1986, 91-92.
[25] Засецкая 1986: 102-107, 112; Мошкова 1989: 202.
[26] Смирнов 1951: 19-20.
[27] Рыбаков1994: 328-330.
[28] Там же, 55.
[29] Монгайт 1974: 346, 362-363.

собность славян к самостоятельной истории – созданию государства и собственной культуры (норманнская теория). Однако сама постановка вопроса о скифах и сарматах и дискуссии вокруг него стимулировали активное изучение советскими археологами памятников скифо-сарматского времени степной полосы восточноевропейских степей.

Впрочем, несмотря на авторитет А.П. Смирнова, его точка зрения на булгарский этногенез не была единственной. В конце 1930-х – начале 1950-х гг. казанский археолог Н.Ф. Калинин высказал мнение, что единовременного прихода булгар на Среднюю Волгу не было, а небольшие их группы вместе с гуннами «просачивались» сюда постепенно[30]. Сарматами он булгар не считал. Взгляды Н.Ф. Калинина сначала разделял его аспирант В.Ф. Генинг, который вместе с А.Х. Халиковым, учеником Калинина, в 1960-е гг. разрушил булгаро-сарматскую гипотезу Смирнова. Но взгляды Генинга – Халикова на проблему отличались от взглядов не только А.П. Смирнова, но и Н.Ф. Калинина.

Опираясь на материалы Больше-Тарханского могильника второй половины VIII – IX вв., самого раннего из некрополей булгар на Волге, относящегося к языческому периоду их истории[31], исследователи кардинально пересмотрели гипотезы предшественников, утверждая, что главный их недостаток – отсутствие археологического материала, документирующего время появления булгар на Средней Волге. Без этого все выдвинутые ранее версии оказывались, по их мнению, гипотетичными, и в первую очередь это касалось сарматской гипотезы Смирнова[32]. Еще раз проанализировав сведения письменных источников, корпус которых с XIX в. практически остался неизменным, авторы безуспешно пытались найти в них намеки на территорию, откуда болгары начали миграцию на север[33]. Обратившись, как и Смирнов, к материалам салтово-маяцкой культуры, которая к тому времени стала известна существенно лучше благодаря масштабным исследованиям Волго-Донской экспедиции[34], они интерпретировали их не в связи с сарматами, а с теми многочисленными племенами (оногурами, утигурами, котрагами и др.), которые фигурируют в письменных источниках. Притом они пришли к парадоксальному выводу, что, несмотря на множество общих черт в комплексе находок из Больше-Тарханского могильника с материалами салтовской культуры, различий гораздо больше. Опираясь на сравнительный анализ антропологического материала, исследователи предположили, что возможным районом изначального обитания тарханцев было Подонье, а на Средней Волге оказалось уже смешанное население в основном тюрко- и угроязычное, но никак не сарматское, и истоки его следовало искать на востоке – в Приуралье и Сибири[35].

[30] Руденко 2014: 479.
[31] Генинг, Халиков 1964: 5-66.
[32] Там же, 102.
[33] Там же, 117.
[34] Плетнева 1967.
[35] Там же, 129-130, 132, 143.

Главная проблема, которую авторы не могли тогда решить однозначно, – отношение к судьбе населения, занимавшего Среднее Поволжье до булгар, оставившего именьковскую археологическую культуру. В начале 1960-х археологическая картина раннесредневекового времени Волго-Камья существенно изменилась по сравнению с 1930–1950-ми годами: были выделены новые археологические культуры, в т.ч. именьковская, изучение которой находилось на самой ранней стадии накопления материала и его исследования. Но не только новизна только что полученного археологического источника вышла на первый план в аргументации преимуществ тюркской гипотезы Генинга – Халикова. Основным стал ее контртезис гипотезе Смирнова, согласно которой булгары-сарматы смешались с местным населением и образовали новый этнос под политонимом «булгары». Генинг и Халиков утверждали, что какого-либо контакта между пришлыми тюркоязычными булгарами и предшествовавшим населением именьковской культуры не было, не отрицая связи Больше-Тарханской группы булгар с поволжскими финнами. Следующий вывод был неожиданным: утверждалось, что Больше-Тарханская и родственные ей группы булгар, обосновавшиеся на Средней Волге в VIII – начале IX в., в формировании собственно булгарского государства и его этноса почти не принимали участия[36]. Это несколько поспешное заключение, тем не менее, стало основой для выделения отдельного этапа в периодизации догосударственного периода булгарской истории на Волге в трудах казанского археолога Е.П. Казакова[37]. Впрочем, это мнение было оспорено авторитетным советским археологом-кочевниковедом С.А. Плетневой, которая рассматривала памятники типа Больше-Тарханского могильника как часть ареала салтово-маяцкой культуры, определяя верхний предел его функционирования началом X в., а нижний – IX в. По ее мнению, население, оставившее Больше-Тарханский могильник, как и население более позднего – Танкеевского могильника, участвовали в формировании Волжской Булгарии[38].

Возрождение интереса к сарматской тематике и сарматской гипотезе булгарского этногенеза произошло во второй половине 1990-х. Началось это с исследования археологических памятников Пермского Прикамья в 1980-х, в частности, Мóкинского могильника, где сарматские черты проявлялись наиболее явственно[39]. В 1980–1990-е уфимские археологи интерпретировали несколько археологических культур Южного Урала эпохи раннего средневековья как позднесарматские[40]. А интереснейшие раскопки царских сарматских курганов у с. Филлиповки, датированных второй половиной V – первой половиной IV в.[41], еще больше стимулировали интерес к этой проблеме. Археологические следы позд-

[36] Там же, 153-161, 170.
[37] Казаков, 1992.
[38] Плетнева 1981: 77, 78.
[39] Колобов, Мельничук, Кулябина 1999: 46-53; Перескоков 2018: 118.
[40] Сунгатов, 1998.
[41] Золотые, 2001; Пшеничнюк, 2012; Яблонский 2013.

несарматского присутствия на Южном Урале, в Пермском и Удмуртском Предуралье в последнее время активно обсуждаются[42]. В конце 2000-х гг. самарский археолог Д.А. Сташенков выдвинул гипотезу, согласно которой сарматское присутствие на Средней Волге имело место уже в III–IV вв., на раннем этапе становления именьковской культуры в Среднем Поволжье, ссылаясь на раскопки городища Лбище[43].

В 1980-х гг. возродилась и славянская гипотеза, правда, сначала не в отношении волжских булгар, а их предшественников – населения именьковской культуры. Самарскому археологу Г.И. Матвеевой и ульяновскому археологу Ю.А. Семыкину удалось доказать, что именьковцы смешивались с мигрировавшими на Среднюю Волгу группами кочевников, в т.ч. с болгарами, и, следовательно, вошли в состав населения Волжской Булгарии. Это предположение в начале 2000-х гг. поддержал ведущий российский археолог и историк-славист В.В. Седов[44].

На этом фоне Казанское Поволжье выглядело исключением. Гипотеза А.Х. Халикова о ранней, с первых веков н.э., тюркизации края, утвердившаяся в казанской археологии с 1970-х гг., исключала какие-либо иные трактовки этногенетических процессов в регионе Среднего Поволжья. При этом в осмыслении исторических явлений эпохи средневековья в трудах казанских археологов-медиевистов причудливо переплетались идеи автохтонизма и неомиграционизма[45].

В конце 1990-х гг. казанский археолог Е.П. Казаков предпринял попытку изменить исследовательский вектор в отношении интерпретации этнокультурных процессов в Казанском Поволжье в предбулгарское время. По его мнению, в VI–VII вв. в восточной части Казанского Поволжья сложилась особая археологическая культурная общность в рамках именьковской культуры, где произошло смешение представителей последней с населением турбаслинской и бахмутинской культур Предуралья, которые их исследователи считали сарматскими. Следовательно, и в Казанском Поволжье, по мнению ученого, обитали поздние сарматы или генетически связанные с ними племена[46]. По мере развития этих идей взгляды Казакова на булгарский этногенез претерпели существенную эволюцию[47]. Он отказался от версии Генинга – Халикова, по которой булгары-тюрки на Средней Волге самостоятельно эволюционировали в первые десятилетия после миграции без контактов со своими предшественниками – именьковцами. Исследователь стал утверждать, что сарматская субстратная основа, носителем которой в Казанском Поволжье он определил население именьковской культуры VI–VII вв., являлась основной частью собственно ранних булгар, что, по сути, явилось реновацией идей А.П. Смирнова о булгарах-сарматах.

[42] Перескоков 2018: 116-119.
[43] Сташенков: 2010, 274.
[44] Седов 2001: 6.
[45] Руденко 2014: 500-505,508-518.
[46] Казаков 2011: 8-39.
[47] Руденко 2019, 189-202.

Тем не менее гипотеза Е.П. Казакова не была формальным клонированием идей его предшественника. В конце XX – начале XXI в. кардинально изменилась археологическая источниковая база: и количественно, и качественно: была реконструирована новая этнокультурная карта Волго-Уральского региона, где присутствовала целая палитра археологических культур, выделенных в 1960–1990-х гг. в Уральском регионе и Предуралье, и соотносимых с ними этносов. Это касалось прежде всего угров, которым Казаков отводил особое место в этнокультурных процессах, в т.ч. и в булгарском этногенезе[48]. По его версии, именно движение угров (кушнаренковская культура) в VII в. с востока на запад привело к тому, что именьковско-турбаслинское население оказалось вытесненным в Саратовское Поволжье. Здесь, в конце VII – первой половине VIII в., они смешалось с бóлгарами. Восточные авторы упоминают этот народ под именем «буртасы». В середине VIII в. эти племена возвращаются на Среднюю Волгу (Больше-Тарханский и Автозаводской могильники), где в IX в. оказываются поглощены новой волной мигрантов с северо-востока – населением неволинской и ломоватовской культур, что документируют материалы Танкеевского и Тетюшского могильников и вместе образуют этническую и культурную основу народа, ставшего известными как волжские булгары.

Подводя итог, можно сказать, что две гипотезы, тесно связанные друг с другом, – о булгарах-славянах и булгарах-сарматах, появившиеся в российской науке в XVII–XVIII вв. и исчезнувшие из научных штудий в конце XIX в. и после кратковременного возвращения в середине XX в., стремительно возродились в начале XXI в., на новой источниковой базе и в ином контексте. Корпус письменных источников, бывших основой конструирования этих гипотез в XVIII–XIX вв. мало изменился, а в исследованиях по древней и средневековой истории Волго-Камья ключевое место заняли археологические материалы, накопленные в 1960–1980-х гг. Вместе с тем этот фактор породил множество проблем в отношении этнических реконструкций на основе археологических данных.

Идеи Лызлова, Татищева и Ломоносова можно рассматривать как смелую догадку, освященную мыслью об историческом фундаменте государства Российского и патриотическим чувством. В какой-то момент она, по сути, стала политическим манифестом и в то же время – частью новой картины мира, рождавшейся в трудах немногочленных русских историков, где господствовавший ранее сакральный библейский сюжет о происхождении народов эволюционировал в профанный мир античной исторической мысли, приближая далекое прошлое славянских народов к базисным основаниям европейской культуры. Тем самым историческая задача идей славян–булгар и сармат–булгар была достигнута.

В этом плане интересно скорее всего не постепенное затухание этих гипотез, а процесс медленной эволюции одной из них – славянской (сарматы–булгары в исследованиях российских ученых в XIX в. уже не

[48] Казаков 2007.

встречаются) в научном поле российской науки, происходивший на фоне накопления источников[49], развития источниковедения, а также научных институций в России. Можно предположить, что ее «долгожительству» в немалой степени способствовал патриотический отклик научной общественности страны на интересы российской внешней политики на Балканах, особенно в последней трети XIX в. (например, русско-турецкая война 1877–1878 гг.), что стимулировало поиск древних и фундаментальных связей народов этих стран с Россией.

В советской науке позиция А.П. Смирнова с выбором и обоснованием булгаро-сарматской гипотезы и подчеркиванием роли славянского компонента в истории Волжской Булгарии была, с одной стороны, отражением идей дореволюционной историографии, а с другой – попыткой осмыслить процесс булгарского этногенеза на основе новой источниковой базы – археологической и на основе советской методологии. Несмотря на то, что этногенетическая гипотеза А.П. Смирнова просуществовала недолго, его идея о сарматских корнях волжско-булгарской культуры прочно закрепилась в штудиях по булгарскому средневековому искусству и в той или иной степени существует по сей день.

«Опровержение» булгаро-сарматской гипотезы и конструирование В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым нового вȉдения картины булгарского этногенеза в первой половине 1960-х гг. основывалось на созданной ими модели пространства археологических культур Волго-Камья, из которой были полностью исключены сарматы и славяне (скорее по субъективным причинам), а на первый план поставлены тюрки и угры/самодийцы. Отметим, что эта гипотеза не закрепилась в научной школе А.Х. Халикова, формирование которой в казанской археологии так и не завершилось в XX в., и не была в целом поддержана представителями других археологических научных школ региона, например, школой Р.Д. Голдиной (Ижевск) или В.А. Оборина (Пермь). К тому же при стремительном накоплении археологического материала этногенетическая тюрко-угорская гипотеза к началу 1990-х гг. эволюционировала только в тюркскую, а тема угорского компонента выделилась в самостоятельную исследовательскую линию, которую развивал ученик В.Ф. Генинга Е.П. Казаков. Она была поддержана в 1980–90-е гг. уфимскими археологами Г.Н. Гарустовичем и В.А. Ивановым. Последний в конце 2000-х вместе с пермским археологом А.Н. Белавиным, бывшего до того сторонником «булгароцентризма» в развитии культуры народов Предуралья в средневековую эпоху[50], эту тему глобализировали, представив угров коренным населением Предуралья, что вызвало оживленную, но недолгую и в общем

[49] Особенно стоит отметить публикацию отрывков из сочинения Ибн Фадлана, секретаря арабского посольства, побывавшего у волжских булгар в 922 г., где упоминались русы, которых тогда отождествляли с русскими. При этом булгарского правителя араб именовал «царем славян».

[50] Здесь, скорее всего, сказалось влияние идей его коллеги В.А. Иванова, считавшего, что этническую основу домонгольских булгар составили, главным образом, угры.

безрезультатную дискуссию. Любопытно, что в настоящее время и эта глобальная угорская теория постепенно деактуализируется, замещаясь в ряде новых публикаций А.М. Белавина и его коллег идеями приоритетов культуры пермских народов.

По сути, частичное возрождение булгаро-славянской гипотезы в исследованиях Г.И. Матвеевой и ее единомышленников, постепенное усиление позиций сторонников сарматского компонента в раннесредневековых культурах Предуралья и Волго-Камья оказалось закономерным явлением, которое можно расценить как определенный показатель развития региональной археологической науки, ее зрелости и способности решать не только локальные, но и более общие проблемы в контексте масштабных исторических процессов. Показательно в этом плане появление в начале 2000-х гг. идеи, а затем гипотезы Е.П. Казакова об особой роли сармат в культурогенезе народов Среднего Поволжья в предбулгарское время, а в первой половине 2010-х гг. – и формирование его новой концепции о субстратном сарматском компоненте булгарского этноса, что стало в какой-то мере результатом пересмотра его же собственных, более ранних, идей. Сложное, подчас противоречивое переплетение мнений, взглядов, гипотез, их быстрое рождение и смена другими в реконструкции этнической карты раннего средневековья Волго-Уральского региона, – явление, не завершившиеся в настоящее время, и, скорее всего, оно не завершится и в ближайшем будущем.

Циклическая реновация идей о славянских и сарматских основах этнической культуры волжских булгар, произошедшая в конце XX – начале XXI в., стала следствием развития научного знания. В данном случае, существенно расширившиеся источниковедческие возможности археологии позволили в чем-то подтвердить догадки предшественников, живших в XVIII–XIX вв. Новый виток развития этих гипотез стал также определенным ответом на усиление национальных акцентов в региональной науке и на распространение в археологии методических подходов, которые исключали «этничность» археологических артефактов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ашмарин Н.И. Болгары и чуваши. Казань, 1902. 135 с. [Ashmarin N.I. Bolgary i chuvashi. Kazan', 1902. 135 s.].

Венелин Ю.И. Древние и ныняшние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829. 230, L с. [Venelin Iu.I. Drevnie i nyniashnie bolgare v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiianam. M., 1829. 230, L s.].

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964. 200 с. [Gening V.F., Khalikov A.Kh. Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik). M., 1964. 200 s.].

Засецкая И.П. Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 98-113 [Zasetskaia I.P. Gunny v Nizhnem Povolzh'e // Drevniaia i srednevekovaia istoriia Nizhnego Povolzh'ia. Saratov, 1986. S. 98-113].

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. 326 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №30) [Zbrueva A.V. Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu. M., 1952. 326 s. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 30)].

Золотые олени Евразии. СПб., 2001. 247 с. [Zolotye oleni Evrazii. SPb., 2001. 247 s.].
Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М., 1992. 335 с. [Kazakov E.P. Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii. Etapy etnokul'turnoi istorii. M., 1992. 335 s.].
Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12-13. С. 8-39 [Kazakov E.P. Etnokul'turnaia situatsiia IV – VII vv. n.e. v Srednem Povolzh'e // Finno-Ugrica. 2011. № 12-13. S. 8-39].
Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с. [Kazakov E.P. Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX-XIV vv.: problemy vzaimodeistviia. Kazan', 2007. 208 s.].
Лызлов А.И. Скифская история. 2-е изд. М., 1787. Ч. 1 [Кн. 1-3]. 206 с. [Lyzlov, A.I. Skifskaia istoriia. 2-e izd. M., 1787. Ch. 1 [Kn. 1-3]. 206 s].
Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В. Римская фалера из Пермского Приуралья // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 46–53 [Kolobov A.V., Mel'nichuk A.F., Kuliabina N.V. Rimskaia falera iz Permskogo Priural'ia // Vestnik drevnei istorii. 1999. № 1. S. 46–53].
Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара, 2003. 158 с. [Matveeva G.I. Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura. Uchebnoe posobie. Samara, 2003. 158 s.].
Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М., 1974. 408 с. [Mongait A.L. Arkheologiia Zapadnoi Evropy: Bronzovyi i zheleznyi veka. M., 1974. 408 s.]
Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177-202. [Moshkova M.G. Pozdnesarmatskaia kul'tura // Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia. M., 1989. S. 177-202].
Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 298 с. [Miagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt "russkoi istoricheskoi shkoly'. Kazan', 2000. 298 s.].
Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 448 с. [Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka. M.; L., 1948. 448 s.].
Овчинников А.В. Проблемы древней и средневековой археологии и истории кочевых народов евразийских степей в трактовке А.П. Смирнова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: археология и этнография. С. 25- 34 [Ovchinnikov A.V. Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii i istorii kochevykh narodov evraziiskikh stepei v traktovke A.P. Smirnova // Vestnik NGU. Seriia: Istoriia, filologiia. 2007. T. 6. Vyp. 3: arkheologiia i etnografiia. S. 25- 34].
Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с. [Pereskokov M.L. Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka. Perm', 2018. 320 s].
Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (очерки из истории колонизации края), 1882. 206 с. [Peretiatkovich G.I. Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: (ocherki iz istorii kolonizatsii kraia), 1882. 206 s.].
Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 209 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142) [Pletneva S.A. Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura. M., 1967. 209 s. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 142)].
Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 77-80 (Археология СССР) [Pletneva S.A. Rannie bolgary na Volge // Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ia. M., 1981. S. 77-80 (Arkheologiia SSSR)].
Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012. 278 с. [Pshenichniuk A.Kh. Filippovka: Nekropol' kochevoi znati IV v. do n.e. na Iuzhnom Urale. Ufa, 2012. 278 s.].
Руденко К.А. Волжские булгары в зеркале истории (X–XIX в.). Часть I. Казань, 2007. 420 с. [Rudenko K.A. Volzhskie bulgary v zerkale istorii (X–XIX v.). Chast' I. Kazan', 2007. 420 s.].
Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014. 768 с. [Rudenko K.A. Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (Kh – nachalo XIII v.). Kazan', 2014. 768 s.].

Руденко К.А. Концепции булгарского этногенеза во 2-й половине XX – начале XXI в. (к 85-летию Е.П. Казакова) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4(28). С. 189-202 [Rudenko K.A. Kontseptsii bulgarskogo etnogeneza vo 2-i polovine KhKh – nachale XXI v. (k 85-letiiu E.P. Kazakova) // Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii. 2019. № 4(28). S. 189-202].

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М., 1994. 608 с. [Rybakov B.A. Iazychestvo drevnikh slavian. 2-e izd. M., 1994. 608 s.].

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5-15 [Sedov V.V. K etnogenezu volzhskikh bolgar // Rossiiskaia arkheologiia. 2001. № 2. S. 5-15].

Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 82-98.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. 200 с. [Smirnov A.P. Skify. M., 1966. 200 s.].

Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с. [Smirnov K.F. Savromaty: ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov. M., 1964. 380 s.].

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа, 1998. 168 с. [Sungatov F.A. Turbaslinskaia kul'tura. Ufa, 1998. 168 s.].

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12. 2010. № 6. С. 272-275 [Stashenkov D.A. O khronologicheskom sootnoshenii pamiatnikov lbishchenskogo tipa i rannikh pamiatnikov imen'kovskoi kul'tury // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, t. 12. 2010. № 6. S. 272-275].

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 60-114 [Khrapunov I.N. Nekotorye itogi issledovanii mogil'nika Neizats // Issledovaniia mogil'nika Neizats. Simferopol', 2011. S. 60-114].

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М., 2013. 232 с. [Iablonskii L.T. Zoloto sarmatskikh vozhdei. Elitnyi nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.). Katalog kollektsii. Kniga 1. M., 2013. 232 s.].

***Руденко Константин Александрович**, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры; murziha@mail.ru*

On the Question of the Cyclicity of Scientific Hypotheses from the 17th to the 21st Century (on the Example of Ethnogenesis of the Volga Bulgars)

In the present article, based on the study of the hypotheses of the origin of the Volga Bulgars (Bulgars – Slavs and Bulgars – descendants of the Sarmatians) from the 17th century to the beginning of the 21st century, an attempt is made to identify the reason for the return of conceptual ideas in academic research, the mechanisms of constructing ethnogenetic theories based on different source materials: written information and archaeological data. The author traced the evolution of views on this problem using an analysis of the scientific views of researchers in their dynamics. In his opinion, the emergence of the hypothesis that the Volga Bulgars are Slavs or Sarmatians was connected with the nature of the written sources on this topic and the peculiarities of the ideology of the era. The revival of these hypotheses occurred on the basis of archaeological data, without an obvious connection with previous ideas, and became the object of discussion of regional science, while the early hypotheses solved problems of a national scale.

Keywords: Sarmatians, Volga Bulgars, Slavs, A.P. Smirnov, E.P. Kazakov, A.Kh. Khalikov, ethnogenesis, V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov

***Konstantin Rudenko,** Dr. Sc. (History), Professor of Kazan State Institute of Culture; murziha@mail.ru*